

Філософія культури і освіти

УДК 130.122

В. Е. ГРОМОВ¹

¹Национальный горный университет (Днепропетровск), эл. почта bsyur@mail.ru, ORCID 0000-0002-1417-9262

ОТ ЭТИКИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И СТРАДАНИЙ К ДУХОВНОЙ ЭТИКЕ СВОБОДНОЙ, НЕОБУСЛОВЛЕННОЙ ЛИЧНОСТИ

Цель. Исследовать различие духовного смысла этики справедливости и этики свободной, необусловленной личности. Обосновать, что этика справедливости является недостаточной для реализации духовных смыслов человека, является ментальным основанием “страдающего сознания”. Указать на “абсолютное” преимущество духовно интендированной культуры в реализации возможности нравственной эволюции общества в направлении духовности. **Методология.** Методологический подход к исследованию духовных свойств нравственности автор связывает с содержательным различием принципов низшего и высшего уровней морали, а также с признанием высокой степени автономности духовно мотивированного сознания. **Научная новизна.** В статье рассматриваются “вечные” побудительные мотивы человека к добру и справедливости одновременно с потребностью удержания человеческого достоинства. Такое стремление в разных контекстах культурно-исторического самосознания людей является устойчивой проблемой. Оно остаётся проблемой и сейчас в условиях противоборства и поиска справедливого соотношения факторов гуманности и насилия в нравственной практике современного цивилизованного общества. **Выводы.** Качественное восхождение нравственности современного общества на уровень духовной этики маловероятно, но принципиально возможно в связи с сущностными потенциями человека как такового. Этика свободной, необусловленной личности имеет огромный потенциал благотворного влияния на общественную мораль, ведёт к универсальной духовной трансформации отношения людей к себе и окружающей действительности. Утопизм и несбыточность идеи духовной этики связаны с её автономным внеэмпирическим характером и с трудностью сознательного самопреодоления обусловленной личности. Практический смысл духовной этики в том, что, в сущности, только она и может придать нравственности не эгоистическую направленность.

Ключевые слова: справедливость, обусловленность, страдание, “метафизическая ответственность”, свобода, личность, духовность.

Актуальность

Вопрос о соотношении счастья, страдания и человеческого достоинства опосредованно или в явном осознанном виде в истории культуры стоял всегда. Роль страдания в нравственной жизни человека оценивалась неоднозначно. Богословы указывают на его высокую нравственную ценность. В первой шеренге лиц, причисленных к лику святых, блаженных, преподобных стоят великомученики. Нередко творческие личности, в том числе и выдающиеся /Ф.М. Достоевский/, заявляют о необходимости страдания для плодотворного творчества. Многие философы, напротив, искали этические схемы и кодексы избавления людей от страданий ради счастья не только отдельных индивидов, но и общества в целом. Сейчас в условиях возрастания личностной самостоятельности ин-

дивидов и глобальном воздействии человека на природную среду вопросу о нравственной силе или нежелательности страдания придаётся не меньшее значение. Проблема счастья, страдания и свободы человека стала глобальной, поскольку от вариантов её решения, от ментального качества людей зависят не только их отдельные судьбы, но судьба цивилизации в целом.

Цель

Исследовать различие духовного смысла этики справедливости и этики свободной необусловленной личности. Несмотря на этическую ценность принципа справедливости, обосновать его недостаточный, ограниченный характер в поиске духовных свойств высшего морального сознания. Указать на абсолютное

© Громов В. Е., 2014

Філософія культури і освіти

преимущество духовной этики и духовно интендированной культуры.

Методология

Методологический подход настоящего исследования автор связывает с содержательным различием принципов низшего и высшего уровней морали, а также с признанием необходимости высокой степени автономности не обусловленного, духовно мотивированного сознания.

Изложение основного материала

Трудно избежать страданий, однако, мало кто ищет их сознательно, ради опытной ценности в надежде получить адекватную компенсацию при жизни или в лучшей посмертной доле. Ведическая мудрость указывает на тройственные страдания индивидов в материальном мире. Человек страдает от самого себя /образ мышления и действия, характер/, других живых существ и опасных явлений природы /См. Шримад Бхагаватам. Песнь 3, часть 2, с. 425, 432/. Христианство относит к числу источников страдания и божественную кару, усматривая опять-таки источник страданий в человеке, получающего воздаяние за свои грехи. Индуизм и буддизм не содержат представления о первоуродном грехе, но вырабатывают понятие о карме и ахамкаре /обусловленности/, которые по закону связи причин и следствий неотвратимо наде-ляют людей благами или несчастьями в зависимости от их духовных заслуг и формы привязанности к жизни в сансаре /в благе, в страсти или в невежестве/. /См. учение о гунах материальной природы: Бхагават-гита, гл. 14/. Таким образом, страдает человек или чувствует себя счастливым, зависит, прежде всего, от него самого.

Однако человек это и индивид, и личность, и родовое целое. Индивиды как отдельные части общества и как особенное выражение родовой человеческой сущности /тотальности/ даны в связности, взаимодействии, простирающемся в исторической перспективе развития культуры. Поэтому люди страдают или чувствуют себя счастливыми в зависимости от того, на-

сколько развитыми являются их общественные отношения, с одной стороны, и насколько они продвинуты как личности в человеческом самосознании. С этической точки зрения людей объединяет и разобщает их нравственное качество.

Есть элементарная и общедоступная этика противоположности добра и зла, установления справедливости на основе равного воздаяния. Такая этика для понимания её морального закона не требует особых нравственных усилий и не нуждается в накоплении душевной зрелости. Принцип равного дележа радостей и обид в нерелфлексированной форме известен всем с детства. Очень многие и во взрослости не могут подняться выше элементарной этики, даже при неизбежном в жизни отказе от каких-то благ ради других /детей, родителей, друзей, униженных и оскорблённых и т. п./. В этом случае, даже при самой искренней самоотверженности, индивиды явно или неявно ждут награды или хотя бы благодарности за потерянный покой, ослабленное здоровье, потраченное время, вложенные деньги и т. п.

Как элементарная по своей сути, эта этика не может быть отброшена, поскольку содержит в себе долю справедливости, которой невозможно пренебречь, уже потому, что она справедливость и как таковая является моральным благом. С другой стороны, утверждение, что это ограниченное благо, указывает на необходимость точного расчёта его границы, за которой оно теряет смысл равного воздаяния. Вымеренное благо остерегается дать больше, чем положено по расчёту, оно чревато скупостью, остерегается неоправданной, простоватой щедрости.

Позитивный дух этики обусловленной справедливости состоит в том, что за всё нужно платить. Её негативный аспект представлен отрицанием бессмысленного усердия, которое не порождает необходимости адекватного вознаграждения. Например, когда люди оказывают избыточные услуги, делают то, о чём их не просят, или ошибаются в ожиданиях в отношении ценности своих добрых намерений. Расчёт обусловленной добродетели не должен ждать

Філософія культури і освіти

отдаривания превыше затраченных усилий. Осуществляясь в пределах, обоснованных условиями интересов и душевных настроений, она то ослепляется светом альтруизма и благотворительности, то попадает в тень обидчивости и своекорыстия, а оплата по долгам часто приобретает вид мстительности. Поэтому своё священное оправдание элементарная этика черпает в золотом правиле морали: “Итак, во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки”, говорит Христос /Мф., 7, 12/.

Тем не менее, провозглашение этого принципа не делает её уверенной в себе. Справедливость здесь в отношении конкретных решений всегда проблематизирована. Осуществляясь в горизонте искомой точности баланса затрат и приобретений, она не может оставаться в машине расчётливости самой по себе. Ей приходится прибегать к основаниям, за пределами своей счётной способности, к основаниям, которые делают справедливость не количественным, а качественным моральным преимуществом, добром по сути.

Но и в переходе на почву поиска оснований своего качественного морального оправдания, она, ограниченная счётным принципом, колеблется. Что принять за основание: обычай, традицию, закон, божью волю, священную месть, мудрость, интуицию? Насколько возможно быть точным и честным в отношении выбранных оснований как истинных и достаточных? Элементарная этика действует в горизонтальной плоскости противостояния добра и зла. Здесь они относительны и часто меняются местами. Не случайно историю морали и права постоянно сопровождают поправки оснований для справедливости, которые всё равно не создают уверенности, в том, что она вполне оправдана условиями противоборства добра и зла.

В торговле “невидимая рука” рынка качественно приравнивает сюртуки к муке и топорам, в суде преступник за своё злодеяние получает срок, определённый правосудием, хотя он может раскаяться на следующий же день или никогда. Наказание, однако, должно быть неотвратимо, признанному виновным следует от-

платить. Тюрма предназначена не для исправления нравственных пороков, а для установления справедливости. И всё же, если требование справедливости постоянно, то мера и способ наказания изменчивы и окончательно не определены. Часто, интуитивно, можно видеть, что одна мера пресечения выглядит слишком сурово, а другая мягко, даже по законному установлению. Почему за мелкие преступления сразу дают годы заключения, а его продолжительность до двух-трёх лет считается недолгим? То же в отношении способов и обстановки наказания: прежде рубили головы, четвертовали, секли батогами, децимировали, теперь маньяков, террористов и серийных убийц содержат в тёплых камерах с правом на гуманное обращение и надеждой на помилование.

В запутанном клубке человеческих отношений при большом сочувствии людей к той части правды, которая содержится в элементарной этике, оказывается очень трудно добиться и того, чего они больше всего желают – справедливости. Все её особенно агрессивные сторонники, согласно, например, индусским представлениям, кармой наказываются особенно жёстко, а в христианской лексике – горят в аду. Народовольцы, большевики, националисты, религиозные фанатики, террористы, народные мстители погромщики и бунтари и в прошлом и теперь в первых рядах закопёрщиков равноправия. От их насилия и жажды равенства общество терпело не меньше, чем от тиранов.

Обусловленные обстановкой своего материального существования и социализации, люди, ограниченные рамками элементарной этики, обречены на продолжение этой социальной драмы, то ли в жанре трагедии, то ли комедии. Эта ограниченность устойчиво сдерживает духовное развитие общества, укореняя людей в убеждении, что примирения в справедливости и свободе они могут добиться только насильственным путём, и что вообще храм культуры можно построить только на страданиях, героизме и жертвенности его создателей.

Признавая правду того, что справедливости и свободы заслуживают те, кто каждый день за них идёт на бой, приходится признать и то, что

Філософія культури і освіти

філософія справедливості в етичному горизонті її елементарного, урівнювального розуміння досягає добра засобами агресивної, зазливості волі, являючись потужним стимулом цивілізаційного і культурного розвитку суспільства. В боротьбі за справедливий соціальний порядок, демократію, права людини приходить віддавати належне і деспотам, насильникам, війнам, революціям, бунтам, сильним і дурним характерам.

Інтерес до трагічних подій історії, її героїв і демонів в суспільстві не згасає. І не тільки тому, що вони мали вплив на соціальний і моральний прогрес. Вони є частиною людської природи, функцією цілісного соціального стану, в якому все, так чи інакше, стає причастним до того, що в суспільстві відбувається хороше і погане. Праведник для майбутнього часто є єретиком для сучасного. Тут як в історичному шестивіччя об'єктивного гегелівського духа, до якого люди одночасно причастні і відчужені, – винними і виправданими в різній мірі стають всі, навіть невинні діти, з яких потім виростають тиранів, святих або байдужих.

Ревнивий розрахунок елементарної етики, вважаючи себе правомочним могильщиком несправедливості, як в особистому житті індивідів, так і в світо-історичному масштабі, стимулює опір всім можливим формам і дефіциту соціальної солідарності, по іронії історії постійно доповнюється протилежними результатами. Правда елементарної етики одностороння, однак, схильна до захопленої і сліпої узурпації абсолютності. Потрібно чи, наприклад, зараз, після соціальних бурь, класових і світових війн двадцятого століття переконатися в тому, що правда була у всіх воюючих сторін: робітників, селян, поміщиків, капіталістів, націоналістів, бандитів і чекістів. Всі вони – продукт сукупної історії і її структурно обумовлене породження.

Мало хто за бажання стає робітником і створює собі господаря. Лише ставши жертвою і потрапивши в залежність, люди або примиряють-

ся з нею, або борються. І раб, і господар, здійснюючи інститут рабства, одночасно не є безпосередньою причиною рабства. Як частини цілого кожен з них винуватий і невинуватий, обвинувачений або виправданий своєю волею або умовами соціального існування, які неможливо довільно змінити, якщо для цього не зріли історичні обставини. Тому в боротьбі за правду у кожного свою, і в злобі, і в терпимості, в безвольному смиренні, і рішучому протесті, в підлості, і в благородстві вина і виправдання мають місце. Поки суспільство не зріє до того, що справа покращення суспільства – це справа відповідальності всього суспільства, встановлення нового порядку справедливості, вимоги історії і постійним вимогам людської природи, буде здійснюватися в ідеології чужої частини, а не загальної вини і передбачати упріки, бажання мести тим суспільним силам, які визнають причиною несправедливості, краху моральності або розпаду традиційних цінностей.

Сторони антагонізму, в горизонті вузького розуміння справедливості зазвичай перебувають в повній впевненості щодо джерела соціального зла. Світ розділений на своїх і чужих, на нас і наших ворогів, сторонників і опонентів. Коли маятник агресивних настроїв розкачаний і суспільство дестабілізоване, радикально налаштованим людям здається, що примирення, угода, політика компромісів і терпимості – це лексикон зрадників, а не могильщиків світового зла. З такою чорно-білою і ясною ідеологією просто, але стаючи матеріальною силою, вона стає джерелом страждань, породжує в суспільстві розчарування, що справа боротьби за справедливість породило економічну катастрофу і моральний крах.

В особистому житті людей, якщо її моральний рівень не йде далі елементарної етики, відбувається приблизно те саме. Якщо не вдасться обміняти любов на любов, дружбу на дружбу і атмосфера нерівності виявляється нетерпимою, то життя перетворюється в потік взаємних претензій і упріків, контролю обя-

Філософія культури і освіти

занностей и отслеживания ошибок, горьких примирений, подавленного протеста или неукротимого гнева. Невозможно обрести искомую гармонию и счастье, оставаясь на уровне низшей этики, с её мировоззренческой близорукостью, сентиментальностью и эгоистической слепотой.

Для обоснования доли несомненного блага, которая содержится в такой первичной этике нужно выходить за её предел, обрести чувство целого сферы человеческих отношений, где каждая из взаимодействующих сторон отчасти осознанно, а отчасти под влиянием независимых условий занимает определенное место. В установлении критической и одновременно примиряющей, взвешенной оценки социальных процессов и личностей, которая требуется для умонастроения терпимости, позитивно влияющего на общественную нравственность и моральные установки отдельных людей, требуется привычка замечать особенности и обстоятельства других – народов, исторических периодов, отдельных лиц, даже если они вызывают неприятие и отторжение.

Люди, однако, если недовольны происходящим или тем, что с ними произошло исторически, явно или исподволь, склонны выгораживать себя из целостного контекста отношений и ставя, тем самым, под сомнение свою субъективность, общественность, историчность и онтологическую причастность к родовой и многоликой сущности человека. Индивиды склонны к самооправданию и демонизации источников социальных бед и личных неприятностей, тогда как в действительности, в логике, оправданной наличным уровнем развития цивилизации и культуры, не существует абсолютно несправедливых общественных систем, а среди отдельных людей – от рождения законченных моральных родов.

Уже этика разумного эгоизма указывает на целесообразность установки на свободу и самостоятельность “другого”, составляющей основу благоразумия. Отрицательная сторона этой установки предполагает право на отстаивание себя в борьбе или сотрудничестве с другими, положительная сторона указывает на призна-

ние прав других, на обоснованность их притязаний и интересов. Нужно принять реальность со всеми её достоинствами и недостатками, с благоприятными и мешающими, обстоятельствами и осознать, что элементарная этика, требующая справедливости, – на самом деле недостаточно справедлива, поскольку в действительности никогда не было и не будет равенства между людьми – социально, культурно, индивидуально, по врожденным дарованиям, благосклонности или превратности судьбы.

Совість, опираючися на принцип справедливости в пределах идеології низшої, елементарної етики, не гарантує життєвого успіху, являясь скорее основанием для страданий или в неустанном беспокойстве жизненной борьбы, или в безвольной пассивности. Колебания в избыточную агрессивность или “проглоченные” возмущения в пассивности равно вредят человеческому достоинству.

Чтобы выбраться из замкнутого круга идеологии низшей этики и обрести освобождение от цепей её обусловленного, одностороннего мировоззрения, необходимо подняться до целостного осознания проблем нравственного развития людей. Принцип целостности, создавая возможность выносить более корректные суждения об этом развитии, вместе с тем позволяет избежать в них иллюзии чистой объективности, то есть, сохранить характер активного морального отношения. Тот, кто судит, сам принадлежит социальному целому, является участником всемирно-исторического нравственного процесса. Целостное сознание формирует в личностях умонастроение изначальной “метафизической ответственности” за всё зло и добро этого мира. Такая трудная этическая позиция на самом деле не редкость в сфере высокой культуры, среди людей, у которых душа болит за судьбу человечества в целом, за “плохих” и “хороших”. Идеальным выражением столь продвинутого морального сознания является пример Христа, который, будучи сыном Божиим, придя к людям с посланием любви, смог вместить в своей богочеловеческой природе и презрение к греху и сочувствие к грешникам.

Кроме преимущества включённости в нрав-

Філософія культури і освіти

ственный процесс, целостный подход наделяет моральное отношение необходимой долей отстранённости, сообщает ему свободный, необусловленный характер. Чтобы мыслить целое, надо выйти за его пределы, нужно искать основу моральных оценок не в эмпирических условиях и борьбе наличных интересов, а в абсолютной, априорной предпосланности моральных предписаний, как это делал Христос именем свое-го Отца. Автономия свободной совести опирается не на эмпирический расчёт, а на убеждение, что она предписана из Абсолютного источника, как самоочевидная основа подлинно человеческого мироотношения. Здесь человек присваивает себе не удовлетворение справедливостью, а свою растущую *человечность*, заданную ему Трансцендентным проектом, Богом, поскольку ясно, что сам он изначально себе сущность не создаёт, но лишь распознаёт и присваивает её в ходе культурного и цивилизационного развития.

Гегель, как известно, осуществляя “мыслящее рассмотрение” исторического процесса, полагал, что история человечества есть прогресс в сознании свободы. Верования различных религий Запада и Востока едины в том, что законы высшей моральности предписываются человеку Богом и исполнение их затруднено, если не обрести свободу от эгоистической обусловленности. Представляется, что человечество, акцентированное на справедливости в условиях её постоянного нарушения, ещё не оценило глубины идеи априорной предпосланности морали из Трансцендентного источника и свободы как условия возвышения морали на основе любви и накопления духовной силы.

Свободная воля предполагает право, с одной стороны, и обязанности, с другой, – иметь права означает иметь обязанности. Однако, оставаясь в пределах их формального противоречия, легко видеть, как свобода, с укоренённым в ней принципом безграничности, сталкивается с обязанностями, стараясь их избежать или преуменьшить. Свобода “в себе” противостоит эмпирической действительности, которая полагает ей границу в обусловленном способе реализации. В абстрактном тождестве с собой свобо-

да желает быть произволом, бесконечностью, а не формой внешнего эмпирического долженствования. Абстрактная противоположность свободы и необходимости в обыденной реальности нравственного сознания на уровне противоречий низшей этики справедливости делают свободу или произволом или формой осознанной необходимости. В одном случае воля становится слепой и вредной, в другом благоразумной, но недовольно терпящей ограничения. Свободная воля оказывается ущербной, опасной или жертвенной, не адекватной себе. Поэтому и требуется прогресс в сознании свободы, при котором её содержательно пустой и бесконечный принцип мог принимать внешнюю эмпирическую необходимость как необходимость себя, как свою свободную ответственность.

Существует ли способ установить согласие самоидентичности свободы с ограничениями наличного опыта, можно ли представить, чтобы долг, который постоянно сопровождает свободу, не был бы ношей, которую стремятся избежать? Ясно одно: это невозможно на уровне низшей этики справедливости. Даже строгое следование долгу в случае развитого у людей щепетильного чувства совести превращается здесь в стоическое поведение. На этом уровне не работает закон причинности и добродетель сплошь и рядом не получает удовлетворения. Не случайно компенсацией такой ненадёжности становится не укоризненные призывы иметь совесть и соблюдать моральные обязанности, а развитие юридического права и санкций за его нарушение.

Создавая учение о категорическом императиве, проблему согласования долга и свободы осмыслил великий Кант. Для Канта следование моральному долгу невозможно без свободы от эмпирических условий и соображений практической целесообразности, то есть закона причинности, которому следует обусловленное сознание. Долженствование и уважение к личности, предписанные моральным законом для Канта всеобщий априорный принцип, обоснованный верой практического разума в Бога, свободу и бессмертие души.

Критики не без основания упрекали Канта

Філософія культури і освіти

за формальний характер его учения о моральном долге, однако, в идее не опытной, а абсолютной обоснованности категорического императива есть и непреходящее достоинство. Внутреннее убеждение свободной воли, питающая автономия чистого морального сознания из Абсолютного источника, противостоит нравственной зависимости людей от условий их существования, которые оправдывают нежелательные поступки или сообщают случайный характер совпадению их поведения с требованиями категорического императива. Силу для моральной воли следует черпать не из наличной реальности, а из веры в существование Гаранти, обеспечивающего истинность всеобщего морального закона. Свобода мыслится не как осознанная необходимость, связанная с внешним миром, а как осознанное подчинение перманентному божественному предписанию, заданному на все исторические времена. Из учения Канта не следует, что человеку легко найти почву для счастливого примирения долга со склонностью, свободы с обусловленностью. Ведь сама свобода и моральность, настроенные по абсолютному критерию, становятся для человека усилием, которым легче пренебречь, чем, напрягаясь, применять на практике. Моральная деятельность осмысленна Кантом как волевая духовная работа, создающая высшие культурные результаты. В религиозном смысле нести ответственность за богоподобие человека тяжело.

Поэтому, на наш взгляд, в истории действительного присвоения человеком своих существенных потенций, морально-нравственный прогресс является решающим. Именно историческая драма возрастания культуры, духовная эволюция, мировоззренческие установки и благотворные ментальные привычки являются важнейшим фактором очеловечения человечества, проверки его на нравственную зрелость, а не экономика, политика, войны, бунты и революции, которые, сужая смысловые горизонты жизни, толкают людей быть на страже, прежде всего, своих материальных интересов. Не цари и полководцы, не изобретатели оружия, а культурный опыт, религиозные подвижники, фило-

софы, поэты и художники определяют процесс становления человека в качестве человеческого существа. Не прогресс технотронной цивилизации, а верно понятое служение возвышает общество людей, побуждая их к отстаиванию интереса соответствовать статусу человека.

Однако почему именно эти ценности вмещаются идеалу абсолютной человечности, а неволя к власти, стремление к превосходству в социальном соревновании, возведение вавилонских башен или что-нибудь ещё – это уже предмет веры и философского обоснования. Если уважение к личности и служебное положение индивидов по отношению к Правде, Истине, Творцу не признаются априорными началами, направляющими нравственную историю общества, то индивиды остаются при горькой иронии и безнадежном скепсисе относительно своих духовных потенций. Утрата веры человеком в себя, отказ от духовного выбора и воли к свободе означает поражение. Духовность остаётся возможной, но не обязательной, приобретает оттенок горделивой избранности или дурной, самодовольной элитарности. Риторика о миссии, предложении результатов своей деятельности другим, обществу, Высшему разуму, Богу приобретает вид лукавого притворства, непосильной задачи, давая скептикам повод осмеяния высокого с позиций низкой, но вполне реалистической и общедоступной пошлости.

Сейчас очевидно, насколько люди мало верят в свои духовные силы, поэтому в ментальном поле общества господствует критицизм и некая компенсаторная агрессивность, культ звёзд, успешных людей-победителей. Одновременно с этим негативную привлекательность в массовой культуре получают и отрицательные персонажи – удачливые мошенники, умные и дерзкие террористы, у которых всегда находятся основания уверенно презирать людей и пренебрегать общественными установлениями.

Современная риторика о гуманизме, демократии и правах человека, при всей их ценности для духовной трансформации культуры, искажается в потребительском обществе и действует по схеме внешней благотворительности.

Філософія культури і освіти

В сознание людей внедряется их правомочность, которую они часто не оправдывают своими эмпирическими заслугами. В этих условиях присвоение прав уподобляется вырванной победе, узурпации, а игнорирование обязанностями приобретает оттенок пренебрежения человечностью. Здесь происходит также замещение права и обязанности быть человеком правом располагать какими-либо социальными благами, которые определяются как условия, необходимые для достойной жизни. При таком юридическом сужении смысла обязанностей и прав происходит большее настаивание на правах и меньшее на обязанностях.

В высшей моральной сфере, однако, именно заслуги в реализации права быть человеком являются определителем того, что каждый должен получить согласно этому праву. При этом эмпирическая награда за добродетель возможна, но не обязательна. Природой автономности морального сознания определяется *только* спокойная совесть личности и вера в наличие абсолютного оправдания её человечности. Только человечностью как внутренней духовной силой личности можно свободно делиться без оглядки на справедливость и ожидание благодарности. Сказанное легко назвать высокопарной риторикой, но нужно признать, что в современном обществе идеологии в “низком, прозаическом жанре” всегда избыточно, тогда как высокая идеология будто осмеяна и иронически разоблачена. Поскольку накопление свободы от обусловленности дело трудное, людей приобретших высокие духовные качества называют святыми, тем самым, подтверждая, что где-то в глубинах морального сознания высшая этика у человека всё-таки есть.

Низшая, элементарная и высшая, духовная моральные идеологии взаимодействуют. Высокая этика не исключает элементарную, однако, действуя на основе своей первичности, она, как духовная инстанция, определяет более корректную реакцию людей на проблемы существующего. Не отменяя справедливости, она удерживает не одобряющее сочувствие к субъектам морального зла и полна сострадания к их жертвам. Тот, кто причиняет зло и тот, кто его

испытывает, равно унижены в человеческом достоинстве и у каждого своя доля ответственности за это унижение.

Утверждая необходимость справедливой расплаты за принижение человечности, высшая этика не является мщением. Действуя неотвратимо, она, в отличие от санкций заданных эмпирическими условиями, которых нередко удаётся избежать, формирует судьбу индивидов, сообщает их жизни направление, которое нельзя изменить, не изменяя их нравственного качества. Награда за человечность на уровне высшей этики даётся людям счастливым характером, чувством душевного равновесия, свободы, цельности, верой в правильно понятое предназначение. Точно так и расплата за её нарушение оборачивается душевной неустроенностью, низкой самооценкой, завистью, потребностью оправдываться и убеждать других в правоте своей заблудшей совести.

Научная новизна

Поскольку у человека особое положение в универсуме, не только мир является средством для его притязаний, но и сам он, в своём личном бытии обращается в средство для “программы универсума”. Будучи средством, он, стало быть, одновременно становится целью для себя и для предназначенного для него “Трансцендентного проекта”. Такое истолкование положения человека в универсуме даёт надежду на более продуктивное решение проблем, которые он создаёт своей деятельностью и порождает куда большее по чувству обязанности долженствование индивидов по отношению к существующему.

Выводы

Сказанное является результатом телескопического взгляда на культурно-исторический процесс. Наивно думать, что в сфере непосредственности индивиды только и думают о «трансцендентном проекте человечества» и о присвоении человеком своей сущности. Высокие идеи усваиваются массовым обществом трудно, низкие распространяются легко. Возрастание нравственного качества людей совер-

Філософія культури і освіти

шается постепенно. Это энергетически затратный, драматический процесс роста культуры. Именно с ростом духовной культуры и развитием свободной самодетельности индивидов как личностей мы связываем возможность постепенного утверждения в общественном сознании высшей, трансцендентно предпосланной

етики. Мироззрение свободной, необусловленной личности, развивающееся на стержне духовной этики придаёт скоротечной жизни индивидов осмысленный, не бранный характер, утешает и преуменьшает их страдания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Библия.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
3. Его Святейшество Далай-Лама. Буддийская практика: Путь жизни, полной смысла. – М.: ИД София, 2006. – 208 с.
4. Его Святейшество Кармапа XVII Тринле Тхае Дордже. Практика Бодхисаттвы. – М.: Ориенталия, 2012. – 160 с.
5. Громов В.Е. Смысл и границы человеческой духовности. – Днепропетровск: НГУ, 2010. – 255 с.
6. Зеньковский В.В. Об образе Божьем в человеке. – Вопросы философии. – 2003, № 12. – С.147-161.
7. Кант И. Критика практического разума. – Соч. в 6 т. – Т. 4 (1). – М.: Мысль, 1965. – С.311 – 501.
8. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме. Проблема человека в западной философии. – М.:1988. – 336 с.
9. Хміль В.В. Освіта: суще та належне/ Антропологічні виміри філософських досліджень. /текст/ – 2012. – №2. – 7 – 14.
10. Шри Шримад А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада. Бхагават-гита как она есть. – М.: Бхактиведанта Бук Траст, 1990. – 832 с.
11. Шримад Бхагаватам. Третья песнь. Часть 2. – М.: Бхактиведанта Бук Траст, 1993. – 575 с.

В. Е. ГРОМОВ¹

¹Национальный гирничий университет (Днепропетровск), ел. пошта bsyur@mail.ru, ORCID 0000-0002-1417-9262

ВІД ЕТИКИ СПРАВЕДЛИВОСТІ І СТРАЖДАННЯ ДО ДУХОВНОЇ ЕТИКИ ВІЛЬНОЇ, НЕОБУМОВЛЕНОЇ ОСОБИСТОСТІ

Мета. Дослідити відмінність духовного сенсу етики справедливості і етики вільної, необумовленої особистості. Обґрунтувати, що етика справедливості є недостатньою для реалізації духовних сенсів людини, є ментальним підґрунтям “страждаючої свідомості”. Вказати на абсолютну перевагу духовно спрямованої культури на шляху реалізації можливості моральної еволюції суспільства в напрямку духовності. **Методологія.** Методологічний підхід до дослідження духовних властивостей моралі автор пов’язує із змістовною відмінністю принципів нижчого і вищого рівнів моралі, а також з визнанням автономності духовно мотивованої свідомості. **Наукова новизна.** В статті розглядаються “одвічні” спонукальні мотиви людини до добра і справедливості водночас із потребою утримання людської гідності. Таке прагнення у різних контекстах культурно-історичної самосвідомості людини є перманентною проблемою. Воно залишається проблемою і зараз в умовах протистояння і пошуку справедливого співвідношення факторів гуманності і насильства в моральній практиці сучасного цивілізованого суспільства. **Висновки.** Якісне сходження моралі сучасного суспільства на рівень духовної етики малоімовірно, але принципово можливо у зв’язку з сутнісними потенціями людини як такої. Етика вільної, необумовленої людини має величезний потенціал благотворного впливу на суспільну мораль, веде до універсальної духовної трансформації відношення людей до самих себе і до оточуючої реальності. Утопічність і нездійсненність ідеї духовної етиці пов’язані з її автономністю і складністю свідомого самопоходання обумовленої особистості. Практичний сенс духовної етики у тому, що тільки вона і може надати моралі не егоїстичну спрямованість.

Ключові слова: справедливість, обумовленість, страждання, “метафізична відповідальність”, свобода, особистість, духовність..

© Громов В. Е., 2014

Філософія культури і освіти

V. E. GROMOV¹

¹National Mining University (Dnipropetrovs'k), e-mail bsyur@mail.ru, ORCID 0000-0002-1417-9262

FROM ETHICS OF JUSTICE AND SUFFERING TO ETHICS OF FREE AND UNCONDITIONED PERSONALITY

The purpose. The author regards the distinction between spiritual meaning inherent to ethics of justice and ethics of a free and unconditioned personality. He substantiates that the ethics of justice is insufficient for spiritual realization of man and it is a mental base of “suffering consciousness”. The author points at absolute moral advantage of spiritual direction of culture. **Methodology.** The author connected methodological approach to research into the spiritual quality of morality with fundamental distinction between the highest and the lowest levels of morality and with high degree of autonomy characterizing of spiritual directed consciousness. **Scientific novelty.** The article regards “eternal” and steady motivation of a man for justice and dignity. This problem remains topical in our days in conditions of intensive search for optimal correlation between the factors of humanity and violence in moral practice of modern civilized society. **Conclusions.** The ascension of modern social morality to the level of spiritual ethics is improbable, but, taking into account the metaphysical understanding of the essence of man, it is possible. The ethics of a free and unconditional person has a great potential in its influence on social moral. It leads to universal transformation of people’s attitude to themselves and to the surrounding reality. Utopian character and unfeasibility of spiritual ethics idea are determined by its independence from empirical conditions and by the difficulty concerned with conscious self-transformation of conditioned personality. The author intends to point out the “absolute” advantage of spiritually directed culture in realizing the opportunity of the moral evolution of society towards spirituality.

Key words: justice, suffering, conditionality, “metaphysics responsibility”, freedom, personality, spirituality.

REFERENCES

1. Biblia
2. Berdyaev N.A. O naznachenii cheloveka [The destiny of man]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 383 p.
3. Yego Svyateyshestvo Dalay-Lama. Buddiyskaya praktika: Put zhizni, polnoy smysla [Buddhist practice: The way of life, full of meaning]. Moscow: ID Sofiya Publ., 2006. 208 p.
4. Yego Svyateyshestvo Karmapa XVII Trinle Thaye Dordzhe. Praktika Bodhisattvy [Practice of bodhysattva]. Moscow: Orientaliya, 2012. 160 p.
5. Gromov V. Ye. Smysl i granitsy chelovecheskoy duhovnosti [The meaning and limits of human spirituality]. Dnepropetrovsk, NGU Publ., 2010. 255 p.
6. Zenkovskiy V.V. Ob obraze Bozhem v cheloveke [The image of God in man]. Voprosy filosofii. 2003, № 12. – p.p. 147 – 161.
7. Kant I. Kritika prakticheckogo razuma [Critique of Practical reason]. Soch. v 6 t. – T. 4(1). Moscow, Misl Publ., 1965. pp. 311- 501.
8. Khaidegger M. Pismo o gumanizme. Problema cheloveka v zapadnoy filosofii [Letter on humanism. The problem of man in western philosophy]. Moscow, 1988. 336 p.
9. Khmel V. V. Education: real and due /text/ /Anthropological measurements of philosophical research. – 2012. – №2. – pp.7 -14.
10. . Shri Shrimad A. Ch. Bhactivedanta Svami Prabhupada. Bhagavat-gita kak ona est [Bhagavat-gita As It Is]. Moscow, Bhaktivedanta Book Trast Publ.,1990. 477 p.
11. Shrimad Bhagavatam. Trenya Pesn, Chast 2.[The Third song, Part 2]. Moscow. Bhactivedanta Book Trast, 1993. 575 p.

Поступила в редколлегию 17.08.2014

Принята к печати 28.11.2014